

ПРОБЛЕМА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СОБРАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

Проблема представительности средневековых собраний источников является одной из самых важных в медиевистике и при этом одной из наименее изученных. Очевидно, что дошедшие до нас от Средневековья источники составляют малую толику от числа тех, что были созданы в ту эпоху, поэтому их изучение предполагает предварительный ответ на вопрос об их репрезентативности в количественном и особенно качественном отношении. Между тем, многие исследователи вообще не придают значения этой проблеме или считают, что она не имеет решения. На примере документов из раннесредневековых архивов (оригинальных грамот и их копий, в т. ч. в составе картуляриев), также папских булл, различного рода посланий, проповедей, королевских и епископских капитуляриев и актов поместных соборов автор показывает возможные пути подхода к этой проблеме. Среди них изучение истории архивов и собраний не документальных текстов, организации и структуры лучше сохранившихся комплексов источников, и виртуальная реконструкция тех из них, что понесли серьезные потери.

Ключевые слова: Средние века, источники, представительность, архивы, картулярии, буллы, письма, проповеди, капитулярии.

Об авторе: Филиппов Игорь Святославович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

В медиевистике достаточно популярны исследования, выполненные на материале одного отдельного взятого источника и даже посвященные этому источнику как памятнику культуры в широком смысле слова. Объектами могут служить самые разные тексты: запись обычного права или собственно законодательный акт, литературное или научное сочинение, хроника, житие, даже отдельный документ. Разумеется, при этом, как правило, привлекаются дополнительные источники, с помощью которых уточняются данные главного источника, рассматриваемого, таким образом, в культурном контексте породившей его эпохи, иногда – если налицо влияние терминологии, литературных, правовых и дру-

гих клише, системы образов и стилистических особенностей более ранних текстов – и разных эпох. Результатом бывают очень информативные и многоплановые исследования, позволяющие составить достаточно ясное представление об изучаемом обществе, несмотря на то, что в основе исследования лежит, по большому счету, один, зачастую не очень большой, но яркий источник. Интерес историка вызывают в таком случае не столько конкретные факты, зафиксированные в тексте, сколько высветенный ими казус или срез эпохи, позволяющий увидеть и понять проблемы живых людей, действующих в определенных обстоятельствах, необязательно типичных, но вне сомнения реальных. Немало интересных качественных статей написано в таком ключе¹, есть даже книги. Примером может служить монография известного американского историка Патрика Гири об аристократии юго-восточной Галлии на заре каролингской эры, построенная в основном на материале завещания патриция Аббона (739 г.) – документа, занимающего в стандартного размера издании несколько страниц².

Однако, когда речь идет о документах (впрочем, и о некоторых других видах текстов, о чем будет сказано ниже), источником по большей части является не отдельный документ, а вся сумма документов, происходящих из определенного архива. В этом случае историк собирает по крупицам интересующие его сведения, разбросанные по не слишком многословным, как правило, средневековым актам, добываясь представительности данных и надежности выводов.

По большей части методы, используемые при изучении отдельных документов и верификации содержащихся в них сведений, вполне применимы и к группам

¹ См., например: *Карпов С.П.* 1996, 90-96, а также более подробный вариант этой статьи с публикацией источника (судебного протокола), послужившего ей основой: *Карпов С.* 1989, 311-323.

² *Geary P.* 1985.

документов разного типа, но работа с ними выдвигает перед исследователем другие задачи, а значит, предполагает использование и других логических инструментов анализа. На первое место среди этих задач следует поставить определение именно *представительности* того или иного *комплекса документов* или хотя бы приблизительное выяснение того, насколько выводы, сделанные на данном материале, оправдано распространять на изучаемое общество. Эта проблема относится к числу наименее любимых историками. Многие ее вообще не осознают или, по крайней мере, не касаются ее в своих работах, другие не понимают ее важность, третьи заявляют, что, при всей ее значимости, она не имеет решения. Молчаливо предполагается, что дело историка — изучать имеющиеся в его распоряжении источники, а неудобными вопросами о том, что же до нас все-таки дошло, а что безвозвратно погибло, ни себя, ни читателя беспокоить не стоит. Позитивный опыт в этом отношении, к сожалению, действительно невелик, но это не значит, что он не заслуживает внимания.

Самоочевидно, что, изучая средневековую документацию, историк практически всегда имеет дело с *выборкой*. Если даже конкретный архив сохранился полностью, что не только большая редкость, но и нечто почти нереальное, поскольку архивисты во все эпохи время от времени избавлялись от ненужных, на их взгляд, документов, то напрашивается вопрос о том, насколько этот архив типичен для данного периода, региона и типа учреждения. Но в подавляющем большинстве случаев, по крайней мере, применительно к эпохе старше XIV в., до нас дошли лишь фрагменты существовавших в то время архивов, а значит, то, чем мы располагаем, является выборкой с неизвестной представительностью.

Итак, выборка. На первый взгляд, ничего необычного в этой ситуации нет. Историк Нового времени, работающий с документальным материалом, почти всегда имеет дело с выборками, разве что занимается точечным

вопросом, например, биографией конкретного человека или конкретным, притом не эпохальным, событием. Ввиду огромного объема сохранившейся от последних столетий документации произведение выборки становится практически неизбежным. Средневековая документация до XIV в. не столь многочисленна, к тому же, имея в виду вполне реальную возможность отображения уникальной информации даже в одном, в остальном вполне заурядном, документе из того или иного древлехранилища, добросовестный медиевист вряд ли согласится пойти по этому пути и предпочтет проработать все доступные ему источники. С другой стороны, применительно к средневековым архивам речь идет о так называемых *естественных выборках*, то есть сделанных не исследователем, стремящимся облегчить себе работу, но самой историей. Математические способы определения репрезентативности таких выборок не разработаны. Если принять в расчет великое множество противоречивых факторов, влиявших в каждом конкретном случае на сохранение того или иного комплекса документов, который дошел до нашего времени, следует, по всей видимости, сделать вывод, что, если эти способы и будут когда-нибудь изобретены, они вряд ли окажутся действительно надежными. Постараюсь обосновать этот тезис на материале средневековых, прежде всего, раннесредневековых архивов Западной Европы.

В подавляющем большинстве это *церковные архивы*. Будучи довольно разнообразны по своей организации, они были, однако, весьма примитивными, что, казалось бы, облегчает задачу их реконструкции. На поверку же оказывается, что судьбу этих архивов определяли столь различные обстоятельства, а с другой стороны, возможности изучения каждого отдельного архива столь различны, что обобщения крайне затруднены. Несколько упрощая проблему, можно сказать, что архивы той эпохи дошли до нас (или до историков прежних поколений, особенно тех, что работали в XVI – XVIII вв. и застали эти архивы в лучшем состоянии, менее дефор-

мированном, по сравнению с первоначальным) в основном двумя путями. В первом случае в нашем распоряжении имеется некоторое количество раннесредневековых подлинных документов или их отдельных копий разного времени, в том числе современных подлинникам, и, таким образом, задача исследователя заключается в том, чтобы выяснить, как соотносится, количественно и качественно, эта сумма уцелевших документов с первоначально существовавшей. Во втором случае мы имеем дело со сборником копий энного количества документов (называемым обычно *картулярием*), созданным, как правило, в Средние века, иногда вскоре после составления некоторых из этих документов, иногда по прошествии весьма долгого времени, даже нескольких столетий. В обоих случаях перед нами выборки различной репрезентативности, определение которой является очень непростой задачей. Особо сложна в этом смысле работа с картуляриями, которые являются не только выборками, но к тому же сборниками копий: речь идет о рукописи, которую следует рассматривать и как сумму копий отдельных документов, и как цельное произведение, обладающее своей структурой и созданное с какими-то определенными целями, ощутимо влияющими на характер выборки. Эти цели весьма различны, но имеют, разумеется, мало общего с целями современного исследователя.

И это лишь верхушка айсберга. Ясно, например, что размеры цезуры, отделяющей время создания картулярия от времени составления самых поздних из включенных в него грамот, оказывает немалое воздействие на его представительность. Другой фактор, который необходимо принимать во внимание, — это количество изготовленных в том или ином архиве картуляриев (счет мог идти на десятки, хотя это редкий случай³) и их индивидуальные особенности. В принципе, чем больше их было создано, тем выше вероятность того, что подлинные документы в подавляющем своем большинстве оказа-

³ *Giry A.* 1894, 28.

лись скопированными в тот или иной картулярий, а значит, наше представление о данном архиве в отдельно взятую эпоху достаточно адекватно. Но если картуляриев в архиве имелось много, а до нашего времени уцелел всего один из них, его репрезентативность может быть весьма низкой, особенно если он был не первым по времени создания. В тех случаях, когда картуляриев было несколько, многое зависело от того, подлежали ли копированию, по замыслу их составителей, подлинные грамоты или же отдельные документы из уже существующих картуляриев.

Еще один важный фактор – предназначение конкретного картулярия. Далеко не все из них имели главной целью сохранить в копиях все или даже самые ценные документы. Известны картулярии, вобравшие в себя лишь документы определенного типа, например, оформлявшие различного рода приобретения данной корпорации или же списки обязанных повинностями крестьян-держателей с указанием самих повинностей или документы, касающиеся земельных владений и доходов, призванных обеспечить работу какой-то определенной монастырской службы: госпиталя, странноприимного дома, раздачи милостыни, поддержания огня в лампадах, обеспечения пищей и одеждой самих монахов, и т. д. Встречаются картулярии, в состав которых входят грамоты, относящиеся к приобретениям только в одной определенной местности или – совсем другой, но не менее реальный случай – исходящие только от римских пап или королей (их иногда называли, соответственно, буллариями и дипломатариями), иногда с добавлением грамот епископов и представителей самых знатных линий⁴.

Ситуация осложняется, если мы имеем дело с поздней копией картулярия. С одной стороны, копия, изготовленная в эпоху эрудитов, зачастую очень точна и вполне может превосходить по качеству рядовую сред-

⁴ См.: *Foulds T.* 1987, 3-35; *Les Cartulaires.* 1993; *Declercq G.* 2000. P. 147-170; *Charters, Cartularies, and Archives.* 2002; *Мереминский С.Г.* 2013, 420-425 (имеется хорошая библиография).

невековую копию. С другой стороны, известны случаи, когда ученый переписчик XVII-XVIII в., выполняя заказ патрона, беззастенчиво искажал первоначальный текст, удаляя из него неудобный документ или, напротив, помещая в копию фальшивку, составленную с опорой на подлинные тексты и потому с трудом различимую для тех, кто не работал со средневековой рукописью. Едва ли не самый скандальный случай связан с махинациями, произведенными в конце XVII в. неким Жаном де Баром с рукописью так называемого *Большого картулярия Сен-Жюльен-де-Бриуд* (официальное название: *Liber de honoribus Sancto Julliano collatis*), составленного предположительно ок. 1100 г. Считается, что заказ исходил от кардинала Эммануэля де Бульона из рода Ла Тур д'Овернь, претендовавшего на происхождение от каролингских графов Оверни и стремившегося при помощи фальшивых грамот, оказавшихся в изготовленной де Баром копии, подкрепить свои притязания. В спор о подлинности этих грамот, а заодно и всего Бриудского картулярия, были втянуты виднейшие ученые медиевисты той эпохи, среди них Этьен Балюз и Жан Мабильон, репутация которых была в результате подвергнута сомнению. В 1700 г. дело дошло до судебного разбирательства и осуждения де Бара; более именитые участники не пострадали, во всяком случае, юридически⁵. Воссоздание первоначального облика Бриудского картулярия и, на его основе, самого архива Сен-Жюльен-де-Бриуд является поэтому очень сложной задачей, которая в настоящее время вряд ли может быть решена окончательно⁶.

Наконец, следует напомнить, что картулярий не так уж редко включал копии не только документов, но и иных текстов: жития святых данной корпорации, ее статуты, письма ее руководителей, местную хронику...

⁵ См.: *Cartulaire de Brioude*. 1863, 1-26; *Grand Cartulaire du Chapitre Saint-Julien de Brioude*. 1935, VII-XLI; *Depoin M.-J.* 1908, 126-143.

⁶ См.: *Berger J.* 2010, 209-235; *Filippov I.* 2010, 119-139.

Вполне вероятно, что своим присутствием в картулярии они так или иначе также влияли на отбор грамот для копирования. По необходимости я оставляю в стороне очень важную, но стоящую особняком *проблему адекватности картулярной копии оригиналу*. Как показали исследования картулярных копий Ключийского аббатства, многие из которых можно сравнить с подлинными грамотами или очень точными копиями, выполненными перед Великой Французской революцией, отступления от оригинала бывали немалыми. Это касается, как способности переписчика прочесть и понять древний свиток, так и его представлений о том, насколько точно следует его переписать. Нередко копиист редактировал текст грамоты с целью подправить его орфографию и синтаксис, уточнить хронологию, сделать более понятными его терминологию и топонимию. Случалось, что он сокращал текст, например, прорежая список свидетелей сделки, или, напротив, расширял, в т. ч. за счет собственных пояснений и разнообразных вставок, например, более пространных, чем в оригинале, благочестивых обоснований совершения сделки⁷.

Собрания оригинальных документов, сохранившиеся от той эпохи в некоторых более благополучных архивах, в плане репрезентативности создают исследователю несколько иные проблемы, в целом, менее сложные, и при этом содержат сведения, очень полезные для оценки репрезентативности картуляриев. В первую очередь, они позволяют понять, что наряду с дарственными, купчими, обменными, закладными грамотами, составляющими львиную долю материалов, обычно включенных в картулярии, в момент их создания в архивах имелись также документы совсем другого рода, почти или совсем не получившие отображения в доступных нам картуляриях. Таковы, например, *акты инфеодации*, по которым отдельные владения Церкви передавались ее

⁷ Bruel A. 1875, 447-456. См. также: Hillebrandt M. 1993, 7-18; Barret S. 2004.

вассалам и, видимо, считались утраченными, почему эти акты, как правило, не считали нужным копировать⁸. Таковы, и это не менее важно, документы, касавшиеся правовой предыстории владений, приобретаемых тем или иным монастырем, капитулом или епископством.

Следует пояснить, что на протяжении всего раннего Средневековья в Италии и на большей части Франции и Испании письменное *оформление сделок между мирянами* было обычным явлением. Многие из них имели собственные архивы, достигавшие подчас солидных размеров⁹. В некоторых районах Италии формуляр дарственной, купчей и обменной грамоты содержал пункт о передаче новому владельцу отчуждаемой земли всех относящихся к ней старых документов¹⁰, и, по крайней мере, Церковь настаивала, чтобы это предписание выполнялось. В принципе, за каждой грамотой, обогащавшей ту или обитель или иную церковную институцию и поступавшей в древлехранилища этой части Европы, тянулся более или менее длинный шлейф *сопутствующей документации*. Тот факт, что в большинстве архивов их сохранилось от этой эпохи очень мало, никак не опровергает этот тезис, поскольку речь идет о документах, уцелевших не просто случайно, а вопреки логике тогдашнего архивного делопроизводства, обрекавшей их как не занесенных в картулярий на уход в небытие. Поэтому даже фрагменты документации этого типа существенно корректируют наши представления, слишком

⁸ О существовании таких документов и о том, что их могло быть много, мы знаем, например, благодаря т. н. «Книге щедрот» итальянского аббатства Фарфа, которая состоит, прежде всего, из их копий. См.: *Zuchetti G.* 1913.

⁹ Пьеру Боннасси удалось выявить в архиве Барселонского капитула около сотни грамот (в основном не *traditiones*), освещающих деловые операции одной каталонской семьи средних землевладельцев: *Bonnassie P.* 1964, 261-303.

¹⁰ *Casanova E.* 1928, 314. Ср.: *Feller L.* 2000, 63-84 (данные об архиве аббатства Казауриа).

сильно зависящие от содержания картуляриев, о структуре раннесредневекового архива. В массе своей эти документы издавались мирянами, притом зачастую гораздо менее высокого происхождения, чем грамоты, скопированные в картулярий.

Вопрос о *месте мирян в документальной культуре Средневековья* следует оговорить особо. В представлении большинства историков, даже медиевистов, раннее средневековье было эпохой массовой неграмотности мирян. Одним из последствий этого явления и одновременно его лучшим доказательством считается их слабое участие в изготовлении документов, интересовавших якобы одно лишь духовенство, по инициативе которого они, как принято считать, и создавались. Исключение делается лишь для королевской власти, письменно оформлявшей земельные пожалования и некоторые другие сделки и соглашения. Предполагается, что миряне не испытывали в этом потребности, с трудом понимали, что такое документы, и их не хранили.

Это мнение нельзя считать беспочвенным. Во всяком случае, в северной Европе, деловая культура которой выросла по большей части из традиций варварского общества, *письменное оформление сделок* было в раннее Средневековье и даже позднее достаточно редким явлением (где более редким, как в кельтском или славянском мире, где менее редким, как в германских странах, особенно в Англии) и сложилось, вне сомнения, под сильным влиянием Церкви или государства, в свою очередь испытавшего на себе многоплановое воздействие церковной культуры. Сделки, конечно, заключали и здесь, но в своей среде миряне делали это обычно посредством публичных устных процедур на народных собраниях в сотнях и в подобных им территориальных органах самоуправления¹¹. Однако, если речь идет о южной Европе, будь то Византия или романские земли, картина была

¹¹ См., например: *Clanchy M.T.* 1979.

существенно другой. Самые разные источники, происходящие из этого региона (в т. ч. нарративные и нормативные), свидетельствуют, что заключение сделок на письме было здесь обычным делом, и это относится не только к совместным деловым операциям мирян и церковных учреждений, но и мирян между собой. Проблема в том, что это почти всегда косвенные свидетельства и что немногочисленные документы, зафиксировавшие сделки в среде мирян, дошли до нас от эпохи раннего Средневековья, как правило, в составе церковных архивных собраний. Среди немногих исключений – знаменитые папирусы из Оксирина и некоторых других городов византийского Египта, т.н. Таблички Альбертини, представляющие собой архив землевладельца средней руки из Нумидии, состоящий из записанных на восковых дощечках 45 документов 488 – 496 гг., и менее известные документальные записи на аспидных пластинах из вестготской Испании.

Специалистам эти факты, в целом, известны, но ввиду крайней разнородности материала, касающегося практически всей территории *Rex Romana*, а также, хотя и в меньшей мере, внутренних районов Германии, он до самого недавнего времени не был предметом комплексного исследования. Такая работа была осуществлена в 2013 г. в рамках коллективной монографии, написанной группой медиевистов из Великобритании, США и Канады и озаглавленной «Документальная культура и миряне в раннее Средневековье»¹². Авторы убедительно показали, что участие мирян (в т. ч. мирян-писцов) в создании документов было на протяжении этого периода достаточно обыденным делом. Не только государство, но и аристократия и даже землевладельцы средней руки, иногда и совсем небогатые люди, по крайней мере, до IX в. считали правильным оформлять хартией по возможно-

¹² *Documentary Culture and the Laity in the Early Middle Ages*. 2013. Я имел удовольствие рецензировать эту работу. См.: *Средние века*, 2014. Вып. 75, № 1-2. С. 492-497.

сти любую важную сделку и отлично понимали правовой смысл и практическую пользу такого акта. В дальнейшем стимулы ослабли, но не повсеместно. Самым удивительным является пример *Каталонии*, где даже почти вековое владычество арабов, сопровождавшееся ликвидацией прежних органов власти и связанных с ними архивов, не поколебало убежденность населения, не исключая и простолюдинов, в том, что сделки надо оформлять, а документы тщательно беречь. В результате ни один другой регион Европы старше 1100 г. не может похвастаться столь многочисленной и разнообразной документацией: количество выявленных на сегодня актов превышает 15 тысяч и продолжает расти. В соседнем Арагоне картина совсем другая: известно около 700 грамот VIII – XII вв., причем почти все они происходят из восточного Арагона, соседнего с Каталонией, тогда как из западного Арагона, граничащего с Наваррой, до нас дошли лишь единичные документы¹³. Наварра, тем более Баскония, также не богаты документами, относящимися к раннему Средневековью. Что же касается областей центральной и западной Испании (Астурия, Кастилия, Леон), в гораздо большей мере испытавших воздействие римской культуры, то, как показал недавно Адам Косто, здесь понимали толк в письменном оформлении сделок и в бережном хранении документов, соответственно, они и сегодня составляют достаточно внушительный корпус, сопоставимый с тем, которым располагает историк Каталонии¹⁴.

Данная книга убеждает также в том, что состояние документации, дошедшей до нас от первых столетий Средневековья, отражает не столько состояние делопроизводства в ту эпоху, сколько ее неравномерную сохранность и перипетии истории архивов в целом. Авторы собрали немало сведений об архивах светских лиц, от графов до простолюдинов; беда в том, что ни один из

¹³ См.: *Sénac Ph.* 2000.

¹⁴ *Kosto A.J.* 2013, 259-282.

них не сохранился до наших дней. Первые известные нам *картулярии знатных семей* – правителей Монпелье, обычно именуемых Гильемами¹⁵, и Тренкавелей, контролировавших виконтства Альби, Безье, Ним, Фуа, некоторые другие сеньории в Лангедоке и прилегающих к нему землях¹⁶, – датируются рубежом XII – XIII вв. Первые собрания подлинных документов светской знати, имеющиеся в нашем распоряжении, еще более позднего времени. То, что уцелели преимущественно церковные архивы, объясняется не только особой документальной культурой, свойственной духовенству, но и особым статусом Церкви как института, существование которого не прекращалось ни в Средние века, ни в Новое время и почти никогда всерьез не оспаривалось. Храмы и монастыри были лучше защищены законом, обычаем, наконец, представлениями о сакральности их территории.

Важную роль сыграл и чисто материальный фактор: по большей части они были хорошо построены, притом из камня, а значит, менее подвержены пожарам, наводнениям и разрушениям. Установлено, что миряне (особенно патроны монастырей) иногда помещали свои архивы и другие ценности в церковные учреждения на хранение. Известно также, что до григорианской реформы, иногда и позже, знатные семьи нередко рассматривали подконтрольные им монастыри и кафедральные соборы как едва ли не единственную возможную в то время страховку своего существования. Передав им часть родового имущества, можно было, при содействии дружественного епископа или аббата (зачастую близкого родственника) гарантировать семье определенную стабильность, иначе мало достижимую в том опасном мире¹⁷. Что касается картулярия Тренкавелей, в меньшей мере – картулярия Гильемов, они позволяют понять еще

¹⁵ Germain A., Chabanneau C. 1884-1886.

¹⁶ Dovetto J. 1997. См. также статью Элен Дебакс: Débaux H. 1993, 291-299.

¹⁷ См.: Решин А.И. 2004, 3-44; 2005, 75-114.

одну специфическую особенность светских архивов: значительная часть вошедших в них грамот представляют собой *клятвы верности*, принесенные вассалами своим сеньорам. Документы этого типа, кстати, написанные не на латыни, а на окситанском языке, можно изредка встретить и в некоторых церковных картуляриях, например, Сен-Виктор-де-Марсель, но до получения доступа к картулярию Тренкавелей (который вопреки здравому смыслу был до конца XX в. сильно ограничен) исследователи не догадывались о том насколько распространен был этот тип документа¹⁸. Другим источником, позволяющим расширить наши представления о том, какие документы были в ходу в эту эпоху в данном культурном ареале, является «*Большая книга феодалов*», составленная в 1192 г. в канцелярии графов Барселоны, бывших одновременно королями Арагона¹⁹. Некоторые из этих документов получили лишь очень слабое отражение в церковных картуляриях.

Не пытаясь исчерпать перечень проблем, стоящих перед историком, решившим разобраться в репрезентативности имеющегося у него документального материала, я хотел бы под занавес привлечь внимание к тому, *что вообще понимается под репрезентативностью*. Чаще всего речь идет о соотношении дошедшей до нас документации с документацией, существовавшей изначально, и это, конечно, правильно. Но при этом далеко не всегда уточняется, что имеется в виду: что сохранилось примерно то же самое, что существовало изначально, только в меньшем количестве, или же что в изучаемую эпоху в данном архиве имелись документы самого разного типа, а сохранились образцы лишь некоторых из них?

¹⁸ Подробный анализ этих документов содержится в книге: *Débat H.* 2003.

¹⁹ *Liber feudorum maior*. 1945-1947. См. также: *Bisson T.N.* 1984; *Kosto A.J.* 2001, 1-22.

Не следует забывать и о другом срезе проблемы, очень важном для исследования раннесредневекового общества, да и всякого иного: *очень многие сделки, в принципе, не оформлялись письменно*. И историк, стремящийся на основании тех же картуляриев и даже собраний подлинных грамот воссоздать картину социально-экономической или социально-правовой жизни, должен помнить об этом ограничении. О роли устной культуры в обществе той эпохи, в т. ч. ее деловой практике, написано очень много, поэтому я хотел бы заострить внимание лишь на одном аспекте этой проблемы, напрямую связанном с тематикой данной статьи. Суть дела в том, что устное оформление сделок касалось, с одной стороны, прежде всего, *движимого имущества* (напротив, даже самые небольшие сделки с недвижимостью старались зафиксировать письменно), с другой стороны, – в первую очередь *людей скромного достатка из числа мирян*. Упуская из виду эти два обстоятельства и воспринимая уцелевшую до нашего времени документацию как некую данность, и только, мы рискуем составить достаточно искаженное представление об изучаемом обществе.

Не имея возможности использовать в решении этой проблемы математические методы, исследователь вынужден задействовать другие методики. Важнейшими из них являются: 1) *изучение данной группы документов в контексте истории конкретного архивного фонда или архива в целом*; 2) *сравнение уцелевших групп документов с сопоставимыми группами из лучше сохранившихся и изученных архивных собраний*. В известном смысле это две стороны одной медали или два этапа исследования, поскольку изучение истории сильно пострадавшего архива, как правило, невозможно без обращения в порядке сравнения к материалам других, лучше сохранившихся, архивов.

Исследуя историю погибшего или сильно пострадавшего средневекового архива²⁰, мы нередко можем

²⁰ Архив мог пострадать и в Средние века, и в Раннее Новое время, прежде всего в эпоху Реформации, затем в эпоху Великой Французской революции, и в ходе войн и революций XIX-

опираться на разнообразные сведения: маргинальные или дорсальные записи на сохранившихся хартиях, старинные архивные описи, материалы епископских инспекций, сообщения нотариусов, заверявших копии с оригинальных документов, упоминания о них в судебных регистрах, выписки и копии ученых старого времени, успевших поработать в архиве до того, как он подвергся разрушению или уничтожению... Конечно, количество и набор источников в каждом конкретном случае разнятся, но, в целом, возможности для изучения этого вопроса достаточно велики. Иногда, благодаря трудам ученых архивистов (как правило, не наших современников, слишком занятых чисто административной работой) или особо дотошных издателей каких-то материалов из данного архива, имеются не только возможности для работы, но и уже добытые сведения, так что картина, в общем, более или менее ясна. В этом случае задача историка, желающего установить репрезентативность доставшегося ему материала, упрощается и «сводится» к его соотнесению с данными о погибших и сохранившихся фондах данного архива. Это никак не механическая работа, но основные ее параметры очевидны и не нуждаются в подробных объяснениях. Однако в большинстве случаев исследователю приходится самому разбираться в истории той группы документов, репрезентативность которой он стремится определить, и порой это очень непростая задача.

Заметно сложнее обстоит дело с рассмотрением этой группы документов в более широком историко-культурном контексте, что предполагает сравнение своего материала с типологически сходным, но происходящим из других архивов, возможно, географически удаленных, но типологически близких (такowymi можно,

XX вв. (например, в 1943 г. во время отступления немецкой армии из Южной Италии, погиб архив Неаполитанского королевства) и даже в наши дни. Так, в 2008 г. в результате обрушения здания был нанесен огромный ущерб архиву г. Кельн.

например, считать архивы монастырей одного ордена) и при этом лучше сохранившихся. Целесообразность и даже сама допустимость такого подхода к источникам для подавляющего большинства медиевистов предыдущих поколений была никак не очевидна – прежде всего, по методологическим причинам, затруднявшим экстраполирование выводов, сделанных на основе одной группы текстов, на другую группу, происходящих из совсем иного архива. Насколько распространено было распространение выводов, полученных на каком-то локальном материале, на территорию целой области, а то и страны, настолько странным и просто недопустимым представлялось до недавнего времени исследование одной группы источников в свете данных об источниках других аналогичных групп. Во всяком случае, если речь шла о документах. Опыт исследования нормативных источников, например, *«варварских прав»*, существенно иной: в данном случае сравнения одного свода законов с другими, для лучшего их понимания, как раз приветствовались и составляли неотъемлемую часть работы ученого. Справедливости ради, полезность и сама оправданность такого подхода к документальным собраниям была доказана лишь совсем недавно, причем доказательства были поначалу дружно проигнорированы.

Пионером в этой области исследований стал французский медиевист из Тулузы *Пьер Боннасси* (1932 – 2005 гг.). Я уже затрагивал этот сюжет в посвященном ему мемориальном очерке²¹, поэтому в данной статье могу ограничиться кратким изложением. Выиграв стипендию барселонского муниципалитета, П. Боннасси приехал в 1955 г. работать в архивах Барселоны. Сначала он занимался историей позднесредневековой Барселоны, а именно историей его рабочего люда, прежде всего, портовых рабочих. Но вскоре его научные интересы изменились. Поняв, что архивы Каталонии изоби-

²¹ *Филиппов И.С.* 2006, 316-325.

луют неизданными и, в подавляющем большинстве, неизученными документами, начиная с IX в., он решил сосредоточиться именно на них.

Вспоминая об этом в первую нашу встречу в 1997 г., П. Боннасси рассказал, что, «как любой нормальный французский медиевист», он начал с картуляриев – поскольку применительно к истории Франции раннего Средневековья именно они, как правило, являются главными источниками по социальной истории, доступными современному исследователю. Но вскоре он понял, что в его распоряжении есть также обширные собрания подлинных грамот (послуживших для картуляриев основой), во французских архивах, почти не сохранившихся. И когда он занялся изучением этих собраний, то долго пребывал в недоумении – настолько иной предстала перед ним картина исследуемого общества!

Сопоставив созданный около 1215 г. *картулярий Викского капитула* с соответствующим собранием подлинных документов, он установил, что в картулярий вошли только traditiones, т. е. грамоты, зафиксировавшие приобретения капитула, притом, за редкими исключениями, приобретения недавние (всего 304 грамоты). Помимо оригиналов этих грамот, в архиве капитула оказалось еще около 2400 документов старше 1215 г. Большинство из них поступило в архив вместе с traditiones: они подтверждали права традентов на передаваемые ими земли и доходы с них и запечатлели сделки их прежних владельцев, в основном мирян. При этом в картулярии преобладают дарственные и обменные грамоты (более 90%), тогда как среди подлинников – купчие (около 55%). В картулярий не попала львиная доля грамот простолудинов – со всеми вытекающими последствиями для наших представлений о социальном облике раннесредневекового общества и характерных для него взаимосвязей и правоотношений. Этот вывод, принципиально важный для изучения далеко не одной только Каталонии, П. Боннасси четко сформулировал в своей докторской диссертации, защищенной в 1973 г. и опубли-

ликованной в 1975 – 1976 гг.²², но во Франции, да и не только во Франции, он, словно, не был замечен – предполагаю, потому, что ставил перед исследователями истории Средневековья слишком неприятные вопросы... Мой интерес к этой проблеме его удивил; он сказал, что она не была затронута ни в одной рецензии и что никто с ним на эту тему не говорил, хотя, добавил он, Ж. Дюби несомненно осознавал ее важность.

П. Боннасси в дальнейшем много занимался историей Южной Франции и потому часто работал именно с картулярными копиями – за отсутствием или ввиду крайней скудости собраний оригинальных грамот (они все же есть, например, из архива Сен-Сернен-де-Тулуз). При этом, хотя у него был успешный опыт изучения каталонских картуляриев в сравнении с собраниями подлинников, послуживших им основой, вопрос о представительности французских картуляриев он не ставил, вероятно, по причинам того же типа, что были названы чуть выше. Другие специалисты по истории средневековой Франции, за редкими исключениями, тем более не были расположены к постановке этого вопроса, хотя, по крайней мере, с 1980-х гг. он так или иначе возникал в некоторых источниковедческих исследованиях.

Большинство медиевистов этого времени, занимавшихся картуляриями, сосредоточили свои усилия на их осмыслении с точки зрения проблемы исторической памяти или той функции (не только мемориальной, но, например, управленческой или процессуальной – для представления в суд ввиду ведущейся тяжбы), которую картулярий был призван помочь осуществить, или с точки зрения конкретных обстоятельств, в которых он создавался, например *григорианской реформы* или важных политических событий, скажем, нормандского завоевания Англии²³. Этот подход, безусловно, очень плодот-

²² Bonnassie P. 1975, 23-25.

²³ См., например: Geary P. 1994. Ch. 3; Charters and the Use of the Written Word in Medieval Society. 2000; Chastang P. 2001;

творен. Он позволяет посмотреть на картулярии не только как на сумму копий, но и как на цельный самостоятельный текст и благодаря этому увидеть в нем много нового; однако он не может и не должен подменить архивоведческий подход. Необходимость этого подхода была вскоре продемонстрирована в ряде частных исследований.

В 1980-е годы, работая в архивных условиях, близких к французским, каталонский медиевист Игнасио Пуиг и Ферретэ был вынужден задаться вопросом о соотношении картулярия и собрания оригинальных актов применительно к *картулярию монастыря Санта-Мария-де-Жерри*, одного из очень немногих древних аббатств Каталонии, где по каким-то причинам подлинная документация была утрачена²⁴. Вынужден потому, что картина общества, возникающая на страницах этого картулярия, существенно отличалась от той, которую рисовали исследователи других документальных комплексов Каталонии, причем различия не получалось отнести на счет географических или институциональных особенностей Жерри. Речь шла лишь о постановке вопроса, но тезис П. Боннасси получил подтверждение. Почти одновременно проблема соотношения собрания подлинных грамот и картулярия была затронута на материалах *архива бретонского аббатства Редон* английской исследовательницей Венди Дэвис²⁵. Примерно в то же время аналогичным вопросом заинтересовался, изучая грамоты (как картулярные, так и оригинальные или их поздние копии) *аббатства Сен-Виктор-де-Марсель* автор этой статьи²⁶.

Charters, Cartularies, and Archives. 2002; Rio A. 2009; Documentary Culture and the Laity. 2013.

²⁴ Puig I Ferreté I.M. 1991. Cp.: Idem. 1984.

²⁵ Davies W. 1990, 69-90.

²⁶ Филиппов И.С. 1988, 200-221. В несколько ином ключе, с акцентом на формировании Большого картулярия Сен-Виктор-де-Марсель с точки зрения исторической памяти дан-

При всем различии исходного материала, целей исследования и конкретных источниковедческих выводов, к которым мы пришли, одно наблюдение можно считать общим: средневековые *картулярии* были выборками разной степени репрезентативности не только в том смысле, что их создатели по каким-то причинам не пожелали скопировать какую-то часть имевшейся в их распоряжении *аналогичной* документации, но *оставили за бортом множество качественно иных документов*. Очевидно, что это наблюдение в корне меняет постановку вопроса о репрезентативности картуляриев, которые для многих медиевистов являются главным источником изучения средневекового общества. В свою очередь, этот вывод подводит нас к проблеме *реконструкции средневековых архивов*.

Под реконструкцией могут пониматься довольно разные исследования. Речь может идти о воссоздании фонда, искусственно разделенного в ходе более поздних событий. Так, во Франции в 1790 г., в результате упразднения старого провинциального деления и учреждения департаментов, фонды генералитэ, парламентов, счетных палат некогда единых территорий оказались разделенными между департаментами, в соответствии с тем, к какой именно местности относятся те или иные документы. Критерии для передачи конкретного документа зачастую были весьма условными, что нередко приводило к путанице, нередко и к утрате документов. Кропотливые исследования последних лет позволили в некоторых случаях восстановить единство таких фондов – по большей части виртуально, иногда благодаря копированию материалов из архивов соседних департаментов. Такая работа была, в частности, проделана с

ного аббатства, этим сюжетом успешно занималась французская медиевистка Кристин Зернер. См.: Zerner M. 1993. 217-246; eadem. 1999, 523-539; eadem. 2006, 163-216; eadem. 2009, 295-322.

некоторыми дореволюционными фондами провинции Дофине, разделенной в 1790 г. на три департамента: Изер, Дром и Верхние Альпы²⁷.

В других случаях, когда состояние источников заметно хуже, реконструкция имеет целью, скорее, *воссоздание контуров и структуры определенного архива* с посильным наполнением отдельных фондов реально сохранившейся документацией или хотя бы надежными упоминаниями о ней. Во Франции классической работой этого типа считается реконструкция картулярия аббатства Вабр в области Руэрг, предпринятая Этьеном Фурниалем²⁸. Другой успешный опыт этого типа – частичная реконструкция регистра «феодалных» документов графов Шампани, составленного в 1211 г. канадским историком Теодором Эвергейтсом²⁹. Выявление всей документации, дошедшей до нашего времени по тому или иному вопросу, конечно, считалось неперенным условием качественного исследования уже не одно столетие, но в последние годы медиевисты стали уделять больше внимания посильному воссозданию архива как такового. Одним из самых удачных исследований такого рода является, на мой взгляд, монография Лорана Маса (ученика П. Боннасси), посвященная графам Тулузы XII – XIII вв. и их окружению³⁰. Задача автора осложнялась тем, что архив графов тулузских сильно пострадал в 1737 г., а то, что от него осталось, было уничтожено в годы Революции в ходе борьбы со следами ненавистного прошлого.

Попытки такой реконструкции в последнее время предпринимались и в России. Хорошим примером является опыт воссоздания дворцового архива Российского государства XVI в., отчасти и более раннего времени³¹.

²⁷ См.: Soulinges Y. 2002.

²⁸ Cartulaire de l'abbaye de Vabres au diocèse de Rodez. 1989.

²⁹ Littere baronum: the Earliest Cartulary of the counts of Champagne. 2003.

³⁰ Macé L. 2000.

³¹ Государственный архив XVI столетия: Опыт реконструкции; Шмидт С.О. 1984. См. также: Черепнин Л.В. 1948-1952.

При этом использовались самые разные источники, в том числе нарративные. Имеется удачный опыт реконструкции архива Троице-Сергиева монастыря, с учетом разрозненных данных о его организации и сведений о несохранившихся документах³². Некоторые исследователи истории допетровской России пошли еще дальше и предприняли попытку воссоздать отдельные дворянские архивы, почти совсем не сохранившиеся от той эпохи, но получившие отражение в писцовых книгах, некоторых других источниках³³. То, что предлагаю я, достаточно близко и по целям, и по методике работы. Различие состоит в основном в том, что, на мой взгляд, целесообразно активное привлечение данных о лучше сохранившихся архивах и их отдельных фондах для реконструкции типологически близких, но больше пострадавших древлехранилищах. Нельзя, разумеется, экстраполировать данные об устройстве одного архива на другой, но их сравнение вполне допустимо и помогает поместить дошедшие до нас разрозненные документы в правильный историко-архивный контекст.

Сказанное относится не только к делопроизводственным документам, но и к некоторым другим видам источников, которые, с учетом порядка чисел, язык не поворачивается назвать массовыми, но которые ценны по большей части тем, что их все же достаточно много и что они образуют целые комплексы.

На ум приходят прежде всего *папские буллы*, сочетающие в себе свойства документа и послания. До понтификата Иннокентия III, а именно до 1198 г., канцелярия Святого Престола как будто не была всерьез озабочена их сохранением и копированием в особые регистры. Авиньонское пленение и последовавший за ним раскол в Католической Церкви вызвали новые потрясения в жизни *папских архивов*, пагубно сказавшиеся на

³² Черкасова М.С. 1996; она же. 2004.

³³ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. 1997-2008.

состоянии фондов, так что собрания булл раннего Средневековья, с которыми работают современные историки, по необходимости представляют собой весьма сложные реконструкции. Нетрудно догадаться, что они являются результатом выявления булл того или другого папы в архивах тех юридических лиц Европы, как церковных, так и светских, которым папы могли направить буллу. Зачастую это не подлинники, а копии разного времени и типа, что делает работу медиевиста, в т. ч. по выбраковыванию фальшивок, еще более сложной³⁴. Если ученого интересуют отдельная булла и стоящие за ней исторические факты, обнаружение хотя бы ее копии обычно решает основные проблемы. Но если мы хотим оценить активность папской канцелярии при том или ином понтифике, понять его приоритеты, в частности, предпочтение, которое он отдавал определенным адресатам или целым территориям, вопрос о репрезентативности собранного по крупицам комплекса булл станет во весь рост. Нельзя сказать, что специалисты по истории папства полностью игнорируют этот вопрос, но внимания ему уделяется недостаточно.

Еще более сложна проблема репрезентативности *собраний писем* как таковых. Со времен Античности некоторые авторы сами составляли сборники своих — надо полагать, избранных — писем. Вспомним Цицерона, Плиния Младшего или, если говорить о конце Римской эпохи, Либания, Августина, Сидония Аполлинария... Эта практика сохранилась в Средние века (Григорий Великий, Алкуин, Ансельм Кентерберийский, Петр Достопочтенный, Бернард Клервоский...) и получила новое дыхание в эпоху Возрождения. Но так поступали далеко не все, так что собрания писем многих авторов являются реконструкцией, сделанной на основе целого ряда древлехранилищ, в которых эти письма оседали. Кроме того, источниками иногда служат собрания писем целой группы авторов, например, ученых монахов одной кор-

³⁴ Jaffé Ph. 1885-1888.

порации³⁵; представительность такого собрания еще менее очевидна. Отвлекаясь сейчас от очень важного вопроса о том, идет ли речь о литературных письмах или политических посланиях или же – до XIV в. это редкий случай – о более живых весточках, отправленных родственникам и друзьям, и ограничиваясь количественным аспектом проблемы, следует прямо сказать, что он плохо осмыслен³⁶. Разумеется, ценным источником информации может быть даже отдельное письмо. В этом случае вопрос о происхождении и характере всего собрания далеко не самый важный. Но, если на основании собрания писем делается попытка сказать что-то обобщающее, например, об образе жизни и мировоззрении целой группы людей, например, монахов определенной страны, принадлежащих к одному ордену, нужно все-таки разобраться в том, чем же мы на самом деле располагаем.

Сходные вопросы возникают и при анализе некоторых других видов источников, например, *проповедей*, которые, как правило, интересны именно как собрание, позволяющее не только узнать взгляды проповедника на тот или иной предмет, но и понять заботы и устроение прихожан, к которым обращается автор. Так, проповеди Иоанна Златоуста наряду с речами Либания послужили важным источником для известной книги Г.Л. Курбатова об Антиохии IV в.³⁷, проповеди Цезария Арелатского – для исследований Уильяма Клингширна и моих собственных об Арле VI в.³⁸ Но как формировались собрания проповедей и как они дошли до нас? Это очень сложный вопрос, и тот аспект, который интересует меня в первую очередь в этой статье, далеко не единственный. В двух словах ответ

³⁵ См., например: *Teske G.* 1993.

³⁶ Несмотря на наличие очень качественных исследований по средневековой эпистографии, например: *Constable G.* 1976; *Ysebaert W.* 2009, 41-73.

³⁷ *Курбатов Г.Л.* 1962.

³⁸ *Klingshirn W.E.* 1994; *Филиппов И.С.* 2000 (в первую очередь гл. VI, раздел 1).

выглядит так: проповедники обычно сами составляли сборники лучших своих проповедей и, насколько позволяли средства (Цезарию позволяли), рассылали их, нередко в несколько приемов, по другим церковным центрам. На местах эти тексты ждала неодинаковая судьба: иногда их активно переписывали (необязательно целиком), иногда нет, иногда включали в специальные регистры, содержавшие сочиненные актуальными проповеди разных авторов – так называемые *гомилиарии*, случалось, что и в компендиумы разнородных текстов, где проповеди соседствовали с житиями, посланиями и т. д. Гомилиарии являются главными и еще далеко не исчерпанными источниками сведений о проповедях и самих их текстов³⁹. Знакомство с гомилиариями серьезно обогащает медиевиста, помогает ему понять, откуда на страницы академических изданий попадают те или иные интересующие его тексты, как сложно освободить Urtext от позднейших наслоений и просто искажений, с другой стороны, осознать, что авторский текст этого жанра нередко существовал в разных версиях. Однако анализ репрезентативности этих собраний почти никогда не ставится, хотя все отдают себе отчет в том, что сохранилась лишь какая-то часть проповедей.

Вопрос о представительности вполне актуален и применительно к некоторым комплексам нормативных источников, прежде всего к *капитуляриям франкских королей*. То издание капитуляриев, к которому привычно обращаются историки⁴⁰, основано по большей части на двух собраниях IX в.: аббата нормандского монастыря Сен-Вандрий-де-Фонтенель Ансегиза (827 г.) и некоего Бенедикта Левита (не позднее 858 г.). Более поздние капитулярии выявлялись в различных компендиумах текстов, созданных в той или иной церковной институции для своих нужд. Некоторые капитулярии Карла Великого и Людовика Благочестивого также сохранились в составе таких сборников, например, капитулярии в

³⁹ *Etaix R.* 1994.

⁴⁰ *Capitularia regum francorum.* 1883-1897.

пользу испанских переселенцев (некоторые авторы считают их дипломами) были скопированы в картулярий архиепископов Нарбонны; картулярий погиб во время Революции, но, к счастью, до этого с ним успели поработать некоторые эрудиты⁴¹. В то же время, некоторые капитулярии нам известны только по упоминаниям в источниках. Например, в Законе фризов (802 – 803 гг.) есть отсылка к несохранившемуся капитулярию («эдикту») о борьбе с поджогами⁴². В целом, рукописная традиция каролингских капитуляриев и процесс их кодификации изучены очень хорошо, в первую очередь благодаря выдающемуся бельгийскому историку Франсуа-Луи Гансхофу⁴³. Однако вопрос о соотношении сохранившихся и несохранившихся капитуляриев нуждается в дальнейшей разработке.

Этот вывод вполне относится к некоторым собраниям текстов канонического права, прежде всего, к так называемым *епископским капитуляриям* каролингского времени – комплексу источников, опубликованному сравнительно недавно⁴⁴ и потому еще не очень хорошо известному, но содержащему необычайно ценные сведения о церковной жизни той эпохи. Речь идет о разнообразных распоряжениях епископов, адресованных клирикам их диоцезов, преимущественно приходским священникам; соответственно, эти тексты содержат огромное количество информации о церковных приходах и взаимоотношениях священников с их паствой. Эти распоряжения разбросаны по многим компендиумам различного рода текстов, использовавшимся епископами в управлении вверенными им территориями. Степень их сохранности, даже если обсуждается сохранность капитуляриев одного и того же епископа, зависела от сочетания столь многих факторов, что вопрос о репрезента-

⁴¹ *Vic Cl. de, Vaissete J.* 1875. Т. 2, Preuves, № 12, 34.

⁴² *Lex Frisionum.* 1982, cap. 7.2.

⁴³ *Ganshof F.-L.* Darmstadt, 1957.

⁴⁴ *Capitula episcoporum.* 1984-2005.

тивности уцелевших материалов напрашивается сам собой. С меньшей, но все же очевидной настойчивостью он встает в отношении *собраний актов поместных соборов*, особенно XI – XII вв. Не все они сохранились, и нет даже уверенности в том, что мы знаем – хотя бы по случайным упоминаниям – о всех имевших место поместных соборах, тем более об обсуждавшихся на них проблемах и принятых решениях. Между тем, вполне добротные и полезные исследования о поместных соборах этой эпохи⁴⁵, как правило, обходят молчанием археографическую сторону проблемы, не говоря уже о постановке вопроса о репрезентативности дошедших до нас текстов.

Не пытаясь, разумеется, в рамках небольшой статьи дать оценку представительности столь разных источников и даже предложить в каждом конкретном случае пути решения данного вопроса, я все же надеюсь на то, что мне удалось привлечь к нему внимание коллег. Возможно, уже более или менее апробированные методы работы с документальным материалом окажутся полезными тем, кто применительно к папским буллам, письмам и другим названным выше источникам задастся вопросом о том, чем же мы все-таки располагаем. Впрочем, учитывая сегодняшнее состояние историографии, исследователям средневековой документации работы подобного рода также предстоит вдоволь.

Литература

Акты служилых землевладельцев / Под ред. *А.В. Антонова, К.В. Баранова*. Т. 1-4. М., 1997-2008.
Государственный архив XVI столетия: Опыт реконструкции / Подгот. текста и комментарии *А.А. Зимина*. М., 1978.

⁴⁵ См., например: *Pontal O.* Les conciles de la France capétienne jusqu'en 1215. Paris, 1995.

- Карпов С.П.* Дело об убийстве на Крите в 1382 г. // Феномены истории. К 70-летию В.Л. Керова. М., 1996. С. 90-96.
- Курбатов Г.Л.* Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962.
- Мереминский С.Г.* Картулярии // Православная энциклопедия, 2013. Т. 31. С. 420-425.
- Решин А.И.* Дар и некоторые аспекты проблемы становления феодализма в современной медиевистике // Средние века, 2004. Вып. 65. С. 3-44; 2005. Вып. 66. С. 75-114.
- Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Вып. 1-5 / Под ред. *В.И. Буганова*. М., 1986-1992.
- Филиппов И.С.* [Рецензия] Documentary Culture and the Laity in the Early Middle Ages / Ed. by W. Brown, M. Costambeys, M. Innes and A. Kosto. Cambridge, 2013. Средние века, 2014. Вып. 75, № 1-2. С. 492-497.
- Филиппов И.С.* Пьер Боннасси (24.11.1932 – 14.03.2005) // Средние века, 2006. Вып. 67. С. 316-325.
- Филиппов И.С.* Раннесредневековый архив аббатства Сен-Виктор де Марсель: опыт реконструкции // Средние века, 1988. Вып. 51. С. 200-221.
- Филиппов И.С.* Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000.
- Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Ч. 1-2. М., 1948-1952.
- Черкасова М.С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV-XVI вв. М., 1996.
- Черкасова М.С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI-XVII вв. (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М., 2004.
- Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984.
- Barret S.* La mémoire et l'écrit. L'abbaye de Cluny et ses archives (Xe – XVIIIe siècle). Münster, 2004.
- Berger J.* Essai sur la nature du Grand cartulaire de l'église Saint-Julien de Brioude // Brioude aux temps carolingiens. Actes du colloque international organisé par la ville de Brioude 13-15 septembre 2007. Publiés par A. Dubreucq, Ch. Lauranson-Rosaz et B. Sanial. Le Puy-en-Velay, 2010. P. 209-235.
- Bisson T. N.* Fiscal Accounts of Catalonia under the Early Count-Kings (1151–1213). Berkeley, 1984.

- Bonnassie P.* La Catalogne du milieu du X à la fin du XI siècle. Croissance et mutations d'une société. T. 1. Toulouse, 1975.
- Bonnassie P.* Une famille de la campagne barcelonnaise et ses activités économiques aux alentours de l'an Mil // *Annales du Midi*, 1964. T. 76. P. 261-303.
- Bruel A.* Note sur la transcription des actes antérieures au XIIe siècle // *Bibliothèque de l'École des Chartes*, 1875. T. 36. P. 447-456.
- Capitula episcoporum* / Hrsg. P. Brommer, R. Pokorny, M. Strattmann. T. 1-4 (MGH, Leges, Concilia). Hannover, 1984-2005.
- Capitularia regum francorum* / Hrsg. A. Boretius et V. Krause. T. 1-2 (MGH, Leges, II). Hannover, 1883-1897.
- Cartulaire de Brioude (Liber de honoribus sancto Juliano collatis)* / Ed. par H. Doniol. Clermont; Paris, 1863.
- Cartulaire de l'abbaye de Vabres au diocèse de Rodez* / Ed. par E. Fournial. Rodez; Saint-Etienne, 1989.
- Casanova E.* *Archivistica*. Siena, 1928.
- Charters and the Use of the Written Word in Medieval Society* / Ed. K. J. Heidecker. Turnhout, 2000.
- Charters, Cartularies, and Archives: The Preservation and Transmission of Documents in the Medieval West* / Ed. A. Kosto, A. Winroth. Toronto, 2002.
- Chastang P.* Lire, écrire, transcrire. Le travail des rédacteurs de cartulaires en Bas-Languedoc (XIe-XIIIe siècles). Paris, 2001.
- Clanchy M.T.* *From Memory to Written Record: England, 1066-1307*. Cambridge (Mass.), 1979.
- Constable G.* *Letters and Letter Collections*. Turnhout, 1976.
- Davies W.* *The Composition of the Redon Cartulary* // *Francia*, 1990. Bd. 17. S. 69-90.
- Débax H.* La féodalité languedocienne, XI-XII siècles: Serments, hommages et fiefs dans le Languedoc des Trencavel. Toulouse, 2003.
- Débax H.* Le cartulaire des Trencavel (*Liber instrumentorum vicecomitalium*) // *Les cartulaires: Actes de la table ronde organisée (Paris, 5-7 décembre 1991)* / Ed. par O. Guyotjeannin, L. Morelle et M. Parris. Paris, 1993. P. 291-299.
- Declercq G.* *Originals and Cartularies: The Organization of Archival Memory (Ninth-Eleventh Centuries)* // *Charters and the Use of the Written Word in Medieval Society* / Ed. K. J. Heidecker. Turnhout, 2000. P. 147-170.
- Depoin M.-J.* L'expertise de Mabillon. La filiation des La Tour d'Auvergne // *Mélanges et documents publiés à l'occasion du*

deuxième centenaire de la mort de Mabillon. Ligugé; Paris, 1908. P. 126-143.

Documentary Culture and the Laity in the Early Middle Ages / Ed. by W. Brown, M. Costambeys, M. Innes and A. Kosto. Cambridge, 2013.

Dovetto J. Cartulaire des Trencavel: analyse détaillée des 617 actes, 957-1214. Carcassonne, 1997.

Etaix R. Homéliaires patristiques latins: recueil d'études de manuscrits médiévaux. Paris, 1994.

Feller L. Les Abruzzes médiévales. Territoire, économie et société en Italie centrale du XI au XII siècle. Rome, 2000.

Filippov I. La structure de Liber honoribus de Saint-Julien de Brioude à la lumière des cartulaires de son époque // Brioude aux temps carolingiens. Actes du colloque international organisé par la ville de Brioude 13-15 septembre 2007. Publiés par A. Dubreucq, Ch. Lauranson-Rosaz et B. Sanial. Le Puy-en-Velay, 2010. P. 119-139.

Foulds T. Medieval cartularies // Archives, 1987. Vol. 18, № 77. P. 3-35.

Ganshof F.-L. Was waren die Kapitularien? Darmstadt, 1957.

Geary P. Aristocracy in Provence. The Rhône Basin at the Dawn of the Carolingian Age. Philadelphia; Stuttgart, 1985.

Geary P. Phantoms of Remembrance. Memory and Oblivion at the End of the First Millennium. Princeton, 1994.

Germain A., Chabanneau C. Liber instrumentorum memorialium ou cartulaire des Guillems de Montpellier. Montpellier, 1884-1886.

Giry A. Manuel de diplomatique. Paris, 1894.

Grand Cartulaire du Chapitre Saint-Julien de Brioude. Essai de restitution / Ed. par A.-M. Baudot et M. Baudot. Clermont-Ferrand, 1935.

Hillebrandt M. Les cartulaires de l'abbaye de Cluny // Mémoires de la Société pour l'histoire du droit et des institutions des anciens pays bourguignons. Dijon, 1993. T. 50. P. 7-18.

Jaffé Ph. Regesta pontificum Romanorum ab ecclesia condita ad annum post Christum natum MCXCVIII. Editionem secundam correctam et auctam ... curaverunt S. Loewenfeld, F. Kaltenbrunner, P. Ewald. T. I-II. Lipsiae, 1885-1888.

Karpov S. Trade and Crime in Venetian Crete (According to an Unknown Document of 1382) // Η Καθημερινή ζωή στο Βυζάντιο. Αθήνα, 1989. Σ.311-323.

Klingshirn W. E. Caesarius of Arles. The Making of a Christian Society in Late Antique Gaul. Cambridge, 1994.

Kosto A.J. *Sicut mos esse solet*: Documentary Practices in Christian Iberia, c. 700-1000 // *Documentary Culture and the Laity in the Early Middle Ages* / Ed. by W. Brown, M. Costambeys, M. Innes and A. Kosto. Cambridge, 2013. P. 259-282.

Kosto A.J. The *Liber feudorum maior* of the Counts of Barcelona: The Cartulary as an Expression of Power // *Journal of Medieval History*, 2001. Vol. 27, № 1. P. 1-22.

Les Cartulaires. Actes de la Table ronde (Paris, 5-7 décembre 1991) réunis par O. Guyotjeannin, L. Morelle et M. Parisse. Paris, 1993.

Lex Frisionum / Hrsg. von K.A. Eckhardt, A. Eckhardt. Hannover, 1982, cap. 7.2.

Liber feudorum maior: cartulario real que se conserva en el archivo de la corona de Aragón / Ed. F.M. Rosell. Vol. 1-2. Barcelona, 1945-1947.

Littere baronum: the Earliest Cartulary of the counts of Champagne / Ed. by T. Evergates. Toronto, 2003.

Macé L. Les comtes de Toulouse et leur entourage (XII-XIII siècles). Rivalités, alliances et jeux de pouvoir. Toulouse, 2000.

Pontal O. Les conciles de la France capétienne jusqu'en 1215. Paris, 1995.

Puig I Ferreté I.M. El monestir de Santa Maria de Gerri (segles XI-XIV). Col·lecció diplomàtica. Barcelona, 1991. *Puig I Ferreté I.M.* El Cartoral de Santa Maria de Lavaix: el monestir durant els segles XI-XIII. La Seu d'Urgell, 1984.

Rio A. Legal Practice and the Written Word in the Early Middle Ages: Frankish Formulae, c. 500-1000. Cambridge, 2009.

Sénac Ph. La frontière et les hommes, VIII-XII siècles. Paris, 2000.

Soulinges Y. Les institutions administratives, financières et judiciaires du Dauphiné sous l'Ancien Régime. Guide des fonds d'archives, Grenoble, 2002.

Teske G. Die Briefsammlungen des 12. Jahrhunderts in St. Viktor Paris: Entstehung, Überlieferung und Bedeutung für die Geschichte der Abtei. Bonn, 1993.

Vic Cl. de, Vaissete J. Histoire générale de Languedoc, 3e éd. Toulouse, 1875. T. 2, Preuves, № 12, 34.

Ysebaert W. Medieval Letters and Letter Collections as Historical Sources: Methodological Questions and Reflections and Research Perspectives (6th – 14th Centuries) // *Studi medievali*, 2009. Vol. 50. № 1. P. 41-73.

Zerner M. Cartulaire et historiographie à l'époque grégorienne: le cas de Saint-Victor de Marseille // *Provence historique*, 1999. T. XLIX. P. 523-539.

Zerner M. L'élaboration du Grand cartulaire de Saint-Victor de Marseille // *Les Cartulaires*. Paris, 1993. P. 217-246.

Zerner M. L'abbaye de Saint-Victor de Marseille et ses cartulaires: retour aux manuscrits // *Les cartulaires méridionaux*. Paris, 2006. P. 163-216.

Zerner M. Le Grand cartulaire de Saint-Victor de Marseille: comparaison avec Cluny, crise grégorienne et pratique d'écriture // *Saint-Victor de Marseille. Études archéologiques et historiques. Actes du colloque Saint-Victor, Marseille, 18-20 novembre 2004* / Ed. M. Fixot et J.-P. Pelletier. Turnhout, 2009. P. 295-322.

Zuchetti G. *Liber Largitorius vel notarius monasterii Pharphensi*. Vol. 1-2. Roma, 1913.